

Открытое письмо главным редакторам газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура».

Уважаемый тов. редактор! Уже не стало секретом, что А. И. Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой. На моих глазах произошло и его исключение из СП — в то самое время, когда он усиленно работал над романом о 1914 году, и вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляет меня встать за письмо к Вам.

На моей памяти уже третий советский писатель получает Нобелевскую премию, причем в двух случаях из трех мы рассматриваем присуждение премии как грязную политическую игру, а в одном (Шолохов) — как справедливое признание ведущего мирового значения нашей литературы. Если бы в свое время Шолохов отказался бы принять премию из рук присудивших ее Пастернаку «по соображениям холодной войны», — я был бы прав, что и дальше мы не доверяем объективности и честности шведских академиков. А теперь получается так, что мы избираем то с благодарностью принимаем Нобелевские премии по литературе, то бранимся. А что если в следующий раз премию присудят т. Кочетову? — ведь нужно будет взять!! Почему через день после присуждения премии Солженицыну в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента Икс с представителем секретариата СП Икс о том, что вся общественность страны (т. е., очевидно, и все ученые, и все музыканты и т. д.) активно поддерживала его исключение из Союза писателей? Почему «Литературная газета» тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американской и шведской коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как «Юманите», «Леттр Франсез», «Унитат», не говоря уже о множестве некоммунистических? Если мы верим некоему критику Боноски, то как быть с мнением таких крупных писателей, как Белль, Арагон, Ф. Мориак?

Я помню и хотел бы напомнить Вам наши газеты 1948 года, сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича... Сейчас, когда посмотрим на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно: за то, что столько лет не звучала опера «Катерина Измайлова»; что С. С. Прокофьев при жизни так и не услышал последнего варианта своей оперы «Война и мир» и Симфонии-концерта для виолончели с оркестром; что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна.

Неужели прошедшее время не научило нас осторожно относиться к сокрушению талантливых людей? Не говорить от имени всего народа? Не заставлять людей высказываться о том, чего они попросту не читали или не слышали? Я с гордостью вспоминаю, что не пришел на собрание деятелей культуры в ЦДРИ, где поносили Б. Пастернака и намечалось мое выступление, где мне поручили критиковать «Доктор Живаго», в то время мной еще не читанный.

В 1948 г. были СПИСКИ запрещенных произведений. Сейчас предпочитают УСТНЫЕ ЗАПРЕТЫ, ссылаясь, что «есть мнение», что это не рекомендуется. Где и у кого ЕСТЬ МНЕНИЕ — установить нельзя. Почему, например, Г. Вишневской за претили исполнить в ее концерте в Москве блестящий вокальный цикл Бориса Чайковского на слова И. Бродского? Почему несколько раз препятствовали исполнению цикла Шостаковича на слова Саши Черного (хотя тексты у нас были изданы)? Почему странные трудности сопровождали исполнение XIII и XIV симфоний Шостаковича? Опять, видимо, «было мнение»!.. У ко-

го возникло «мнение», что Солженицына надо выгнать из Союза писателей? — мне выяснить не удалось, хотя я этим очень интересовался. Вряд ли пять рязанских писателей-мушкетеров отважились сделать это сами без таинственного МНЕНИЯ. Видимо, МНЕНИЕ помешало моим соотечественникам узнать проданный нами за границу фильм Тарковского «Андрей Рублев», который мне посчастливилось видеть среди восторженных парижан. Очевидно, МНЕНИЕ же помешало выпустить в свет «Раковый корпус» Солженицына, который был уже набран в «Новом мире». Вот когда б его напечатали у нас — тогда б его открыто и широко обсудили бы на пользу автору и читателям.

Я не касаюсь ни политических, ни экономических вопросов нашей страны. Есть люди, которые в этом разбираются лучше меня, но объясните мне, пожалуйста, почему именно в

Ростропович до 22 декабря должен находиться на гастролях в капиталистических государствах Европы, по линии Комитета госбезопасности даны соответствующие указания о принятии мер по ограждению его от возможных провокаций со стороны противника.

Одновременно с этим представляется целесообразным: — принять меры к выводу Ростроповича в Советский Союз. Для этого можно было бы использовать влияние на него министра культуры СССР тов. Фурцевой Е. А., находящейся в Чехословакии, и пригласить его в Прагу для выступления перед общественностью. Там и решить вопрос о прекращении или продолжении гастролей. Если Ростропович в Чехословакию приехать не согласится, то найти иной предлог для его кратковременного приезда в Москву или в одну из социалистических стран;

время в Советский Союз. Подсказать Ростроповичу, что в условиях усиления антисоветской кампании, которое несомненно будет приурочено к назначенной дате вручения Нобелевских премий (10 декабря с. г.), он может быть втянут в новые действия, наносящие ущерб Родине.

Считаю также необходимым доложить, что жена М. Ростроповича — певица ГАБТ СССР Г. Вишневская должна 16 ноября с. г. в 15 часов 50 минут вылететь из Москвы в Вену для завершения грамзаписи оперы «Борис Годунов», производимой известным дирижером Г. Караяном, и должна возвратиться в Москву после завершения гастролей. Если Ростропович 21 ноября с. г. Первая половина записи проводилась также в Вене с 1 по 7 ноября с. г., после чего Г. Вишневская вернулась в Москву для участия в спектакле ГАБТ

Ростроповича абсолютно не интересует ответ на так называемые «поставленные им вопросы», потому что письмо отправил он, по-видимому, по дороге на аэродром, отправляясь в двухмесячную заграничную командировку...

Интересный разговор у меня произошел с двумя женами крупнейших французских композиторов — Орика и Жюливе, приехавших в Советский Союз на фестиваль французской музыки. Не сговариваясь, в разное время, они мне сказали одно и то же, что некоторые наши музыканты, проводя много времени за рубежом своей Родины, отрываются от традиций жизни своего народа, да и жизнь зарубежную они видят совершенно не в том виде, какая она есть на самом деле. Их концерты, аплодисменты, восхищение слушателей, обеды, приемы, адресованные им как представителям совет-

чего, взятого мной для передачи какому-либо другому лицу. После изучения «идейного» содержания моих чemoданов все мне было возвращено обратно.

Справедливость требует указать на два факта: во-первых, в карманы ко мне не залезали, и, во-вторых, сотрудники, выполнявшие распоряжение об обыске, вели себя вежливо.

После полутора месяцев концертов за рубежом первое, чем я был встречен на Родине, — это был обиск.

Я глубоко подавлен и возмущен.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ.
Главпочтамт г. Минска, проездом Врест — Москва.
24.XII.1970 г.

Секретно
Из дневника Зорина В. А.
Запись беседы с секретарем ЦК ФКП Гастоном Плиссоным.
14 января 1971 года.

Принял по его просьбе т. Плиссонье, который сказал, что, как друзьям стало известно, намечавшиеся на конец января два концерта М. Ростроповича в Париже аннулированы Госконцертом.

Сославшись на то, что этот вопрос обсуждался сегодня на заседании Политбюро и что при этом было выражено определенное беспокойство, т. Плиссонье сказал, что, по их мнению, если этому решению не дать объяснения какими-либо техническими причинами или состоянием здоровья Ростроповича, то оно может вызвать неблагоприятную реакцию со стороны определенных кругов французской интеллигенции, в том числе в компартии. В таком случае, по словам т. Плиссонье, «компартия также будет вынуждена занять определенную позицию». Он отметил, что в этом деле существует как материальная сторона, поскольку билеты на сбз концерта уже распроданы, так и политическая, так как если решение Госконцерта не будет соответствующим образом мотивировано, то можно ожидать новой волны антисоветской кампании со стороны враждебных сил, которые используют это дело как новый предлог.

Тов. Плиссонье высказался в том духе, что наилучшим вариантом было бы проведение концертов в намеченные дни или, если это невозможно, сообщение Госконцерта со ссылкой на технические причины о том, что концерты переносятся на новую дату. Иначе, по мнению т. Плиссонье, возникает политический аспект, который может быть использован сионистскими и другими антисоветскими кругами в новой кампании.

Ответил т. Плиссонье, что передам в Москву высказанные им соображения, добавив при этом, что у нас есть короткое сообщение о переносе концертов на более поздний срок. Сказал далее, что высказанный им подход к этому вопросу вызывает недоумение, поскольку политический смысл всего этого дела перекликается с теми настроениями, которые пытаются инспирировать в общественном мнении Франции враждебные нам и ФКП силы. Добавил, что речь идет о вопросе, полностью относящемся к компетенции советского государства и его учреждений культуры, по которому ФКП не обязательно должна высказываться, и что если уже она сочла бы необходимым выступить, то с ее стороны были бы логичнее выступления с позиций защиты права Советского Союза решать, когда, где и кому из советских артистов выступать за границей.

Тов. Плиссонье снова стал рассуждать о том, что они при этом исходя из интересов более эффективной борьбы с антисоветской кампанией, что лучше, мол, не давать для нее лишнего предлога и что, как он надеется, данное обращение будет принято во внимание.

Беседу записал второй секретарь посольства Дроздов Э. А.
Посол СССР во Франции В. ЗОРИН.

Подготовила
Э. МАКСИМОВА.

КАК «ВЫВОДИЛИ» РОСТРОПОВИЧА

«...принять меры к выводу Ростроповича в Советский Союз» Заместитель председателя КГБ С. ЦВИГУН

нашей литературе и искусстве так часто решающее слово принадлежит людям, абсолютно не компетентным в этом. Почему дается им право дискредитировать наше искусство или литературу в глазах нашего народа?!

Я ворочу старое не для того, чтобы брюзжать, а чтобы не пришлось в будущем, скажем, через 20 лет, стыдливо припрятывать сегодняшние газеты.

Каждый человек должен иметь право безбоязненно самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано, пережито, а не только слабо варьировать заимствованное в него МНЕНИЕ. К свободному обсуждению без подсказок и одергиваний мы обязательно и придем!

Я знаю, что после моего письма непременно появится МНЕНИЕ и обо мне, но не боюсь его и открыто высказываю то, что думаю. Таланты, которые составят нашу гордость, не должны подвергаться предварительному избиению.

Я знаю многие произведения Солженицына, люблю их, считаю, что он выстрадал право писать правду, как ее видит, и не вижу причин скрывать свое отношение к нему, когда против него развернута кампания.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ
30 октября 1970 г.

Секретно
ЦК КПСС

В настоящее время на Западе поднята антисоветская кампания с использованием попавшего в руки к иностранным корреспондентам политически вредного письма советского виолончелиста РОСТРОПОВИЧА, ранее направленного им в редакции газет «Правда», «Известия», «Литературная газета» и «Советская культура».

Направление указанного письма явилось как бы итогом вызывающего поведения РОСТРОПОВИЧА, демонстративно оказывающего поддержку СОЛЖЕНИЦЫНУ. Последний в течение нескольких месяцев, после исключения его из Союза писателей СССР проживает на даче Ростроповича и по существу находится на его содержании.

Учитывая неуравновешенность Ростроповича, его заносчивость и высокомерие, можно предполагать от него и иные необдуманные действия.

В связи с этим, а также принимая во внимание то, что

— учитывая обстановку, сложившуюся в связи с письмом Ростроповича, и реакцию на это письмо за рубежом, поручить Министерству культуры СССР под благовидным предлогом отложить поездку в Австрию жены Ростроповича — народной артистки СССР Вишневской Г. П. (выезд намечен на 16 ноября с. г.).

Просим рассмотреть.

Заместитель председателя Комитета госбезопасности ЦВИГУН.

Секретно

ЦК КПСС

В связи с антисоветской пропагандистской кампанией, начатой в последние дни прессы и радио капиталистических стран вокруг письма виолончелиста М. Ростроповича о Солженицыне, Министерство культуры СССР докладывает следующее.

М. Ростропович в настоящее время находится на гастрольях в ФРГ (со 2 по 30 ноября с. г. в соответствии с заключенным в январе 1970 года контрактом), после чего предстоят его гастроли в Испании (с 1 по 7 декабря с. г.) и Франции (с 7 по 18 декабря с. г.) также на основании имеющегося контракта.

По сведениям на 15 ноября с. г., М. Ростропович отказывается комментировать свое письмо представителям западной прессы, но в то же время и не опровергает его содержания.

13 ноября с. г. Министерство культуры СССР направило просьбу совпслу в ФРГ обратить особое внимание на пребывание М. Ростроповича в этой стране, оградить его от нежелательных контактов с прессой и возможных провокаций.

Полагали бы целесообразным, в случае положительной реакции Ростроповича на первые контакты с представителями посольства, предпринять меры для того, чтобы убедить Ростроповича отмежеваться от антисоветской кампании, поднятой вокруг его письма. При этом заявить в прессе, что его личное мнение о Солженицыне и письмо по этому поводу являются чисто внутренним делом, что он считает оскорбительным использование его имени для антисоветских инсинуаций и требует их прекращения.

Следующим шагом могло бы быть предложение Ростроповичу отменить гастроль в Францию, которые должны состояться с 7 по 18 декабря с. г., и вернуться в это

СССР «Семен Котко» 14 ноября с. г.

Выезд Вишневской в Австрию, открывающий возможности прямых контактов с Ростроповичем, вызывает большую тревогу. Однако задержание выезда Г. Вишневской в настоящих условиях могло бы явиться дополнением и усилением антисоветской пропаганды, вызванной письмом М. Ростроповича, а также повлечь за собой новые нежелательные действия со стороны М. Ростроповича.

Министерство культуры СССР считает также необходимым доложить, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 15 сентября с. г. «О серьезных недостатках в организации гастрольных поездок художественных коллективов в капиталистических странах» пересмотрены планы зарубежных гастролей советских коллективов и солистов на 1971 год. Резко сокращены сроки их гастролей, устранена многократность выездов коллективов, для чего предусмотрено привлечение к зарубежным гастролем 15 новых коллективов, ранее не выезжавших за рубеж.

Видным исполителям рекомендовано усилить их педагогическую работу в консерваториях страны, а также гастрольно-концертную деятельность в СССР.

Министерство культуры СССР принимает меры для разъяснения в среде творческой интеллигенции и молодежи, обучающейся в вузах искусства, враждебного характера пропагандистской кампании, поднятой буржуазной прессой вокруг письма Ростроповича, которая в антисоветских целях раздувает его ошибочное мнение.

Что касается самого Ростроповича, то его поведение было бы целесообразным обсудить по его возвращении в Союз композиторов, Московской государственной консерватории, Большом театре СССР и Московской государственной филармонии.

Заместитель министра культуры СССР В. КУХАРСКИЙ.

ЦК КПСС

Все, с кем ни приходилось бы мне разговаривать по поводу письма Ростроповича, от всех я слышал только резкие слова осуждения, возмущения его поведением, определение этого письма как политической провокации.

сской культуры, не дают им возможности познакомиться с истинной, очень трудной жизнью зарубежных музыкантов, их разобщенностью их борьбой за свое существование и постоянным страхом за завтрашний день. Зарубежные музыканты завидуют тому положению, в котором находятся советские музыканты, завидуют заботе о них, которую проявляет советское правительство, советское государство, и которая дает покой, уверенность в работе над новыми произведениями и в поисках новых путей в искусстве.

Тихон ХРЕННИКОВ.

ЦК КПСС

Направляю полученное мною письмо М. Ростроповича, датированное 24.XII-1970 г. М. ЗИМЯНИН.
30 декабря 1970 г.

В редакцию газет «Правда», «Известия», «Советская культура».

Уважаемый тов. редактор! Вчера, возвращаясь на Родину из зарубежной концертной поездки, я был подвергнут унизительному обыску на пограничном пункте г. Ереста. Этот обыск производили два сотрудника, один из которых в форме работника таможи только вынимал из чемоданов все, что там находилось, а другой работник в военной форме, знающий иностранные языки, тщательно прочитывал каждый клочок бумаги, каждую строчку записок или писем, найденных у меня в чемоданах и адресованных мне лично, о чем свидетельствовала надпись на конвертах и обращения ко мне в текстах.

Были буквально по листочкам прозерены мои ноты, программы концертов, скрупулезно просмотрены рецензии на мои концерты.

Я не обиделся, когда меня попросили открыть виолончельный футляр, — это право таможи, тем более если они надеются там найти не виолончель, а что-то другое, но какое имеют право влезать в личную мою переписку, письма ко мне моих друзей, моей жены!

Как мне было стыдно, что письма, написанные мне, в моем присутствии читаются посторонним человеком!

Ведь люди, которые мне пишут, не думают, что «некто третий» будет участником нашей переписки.

Итак, было прочитано и просмотрено абсолютно все, причем не было найдено ни-